

Бермет Акаева: Горький опыт Кыргызстана и неизбежность собственного пути демократических реформ в Центральной Азии

Ситуация в регионе в последние годы попала в фокус международного внимания. Новые глобальные вызовы и угрозы, возникшие на переломе веков, привели к открытому пересечению в регионе интересов крупных мировых политических игроков. Решительный поворот в борьбе с международным терроризмом после 11 сентября 2001 года увеличил геополитическую значимость Центральной Азии для остального, в первую очередь западного мира. Свою собственную роль в обеспечении международного мира и безопасности, в противостоянии новым вызовам и угрозам регион может играть при условии обеспечения в нем долгосрочной внутривластной стабильности.

Несколько лет назад в России к ряду других стран развернулась широкая дискуссия на тему Центральной Азии. Ее апофеозом был вопрос: «Взорвется ли регион?» Большинство экспертов не исключило взрывного эффекта, особенно в случае имен во внутренние региональные дела внешних сил, тем более что активное участие и сложной игре вокруг Центральной Азии нерегionalных игроков в то время стало очевидным. Вторжение извне террористических бандформирований на юг Кыргызстана и 1999 – 2000 годах показало, что угроза нависла над порогом нашего собственного дома.

Террористическая атака, совершенная 11 сентября 2001 года против Соединенных Штатов Америки, всколыхнула весь мир, дала мощный толчок объединению международных усилий в борьбе с величайшей угрозой нового века. Участниками созданной тогда по инициативе США антитеррористической коалиции стали Кыргызстан

и другие страны Центральной Азии. Дополнили усилия коалиции региональные структуры безопасности, в рамках которых интересы стран-участниц, как правило, обеспечиваются эффективнее. Более высокий статус приобрела, в частности. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В мировом раскладе сил обозначилась возрастающая роль Шанхайской организации сотрудничества. Она, подобно магниту, притягивает к себе другие страны Азии.

Сложнее обстоит дело с внутренними аспектами происходящих в центральноазиатских странах процессов. 24 марта 2005 года в Кыргызстане произошел антиконституционный государственный переворот. Ряд политиков, особенно из числа апологетов нынешней власти в республике, называют мартовские события «тюльпановой революцией». Коронной сути игра терминами не меняет. Возникает множество вопросов. Почему переворот произошел и был ли он необратим? Какие он несет последствия для стран региона и для постсоветского пространства в целом? Насколько он обозначает внутреннюю нестабильность существующих режимов и элит? Какие выводы из него должны сделать другие постсоветские государства?

Мартовский «взрыв» в Кыргызстане на внешнем рисунке можно сравнить со взрывом газовой системы в одной из секций многоквартирного дома. Он не только разнес эту секцию, но и привел к опасным последствиям для соседей. Из законов механики следует, что разрушение одного из звеньев общей системы способно разрушить ее всю или по крайней мере нарушить функционирование системы как целостной структуры. В политике это явление обычно называется «принципом домино». Слабое звено (страна) не может быть надежным компонентом в общих усилиях мирового (или даже регионального) сообщества в борьбе с новыми глобальными вызовами и угрозами.

Теперь, когда со времени мартовского переворота в Кыргызстане прошел почти год, стало яснее, какие силы стояли за организацией и осуществлением этого перепорота. И первую очередь, конечно, нужно говорить о внутренней оппозиции, которая

состояла из нескольких групп. Сюда можно отнести непримиримую (или «профессиональную») оппозицию, то есть тех, кто на протяжении многих лет (а некоторые и все 15 лет правления Аскара Акаева) находились в оппозиции к первому президенту. Другая довольно многочисленная группа – это отставные чиновники, по тем или иным причинам обиженные на Акаева (их, кстати, так и называли – «обиженные» или «бэушные»). И третьи – кандидаты, проигравшие на февральских выборах в парламент. Оппозиция, как и в любой демократической стране, была многочисленна, шумна, агрессивна, но не настолько сильна финансовыми или организационными ресурсами, чтобы осуществить задуманное действие самостоятельно.

Существенной поддержкой оппозиции в мартовских событиях и предшествующий им период стал ряд так называемых неправительственных организаций. В республике действовало свыше 5000 НПО, большинство из которых занималось проектами, направленными на улучшение жизни населения страны. Однако деятельность многих НПО носила политическую, как правило, оппозиционную направленность. Им было просто необходимо доказывать мировому общественному мнению авторитарный характер власти – в противном случае они заведомо теряли свои инвестиционные перспективы. Эти НПО принимали самое активное участие в мартовских событиях - как в подготовке негативного общественного мнения в стране и за рубежом, так и непосредственно в организации митингов, шествий и акций протеста.

Действовавшие в Кыргызстане многочисленные оппозиционные СМИ были весьма агрессивны. В месяцы, предшествовавшие февральским выборам, их тираж достигал десятков, а то и сотен тысяч экземпляров ежедневно, а их содержимое было практически полностью посвящено огульной критике действующей власти и нападкам на президента и его семью. Многие из них продавались по откровенно демпинговым ценам, а порой и вовсе раздавались бесплатно. Это было бы невозможно без широкомасштабной помощи со стороны отдельных организаций, таких как «Фридом Хауз» (ее

типография выпускала всю оппозиционную прессу). Многие наблюдатели считали, что оппозиционные СМИ, за редким исключением, практически полностью финансировалась организациями, тесно связанными с Государственным департаментом США.

Не последним фактором стала и слабость власти. Нельзя сказать, что никто не ожидал в Кыргызстане повторения событий, до того случившихся в Грузии и в Украине. Однако, по многочисленным социологическим опросам, производившимся в месяцы, предшествовавшие выборам, ситуация в стране не была безоблачной, но и не вызвала серьезных опасений. Ничто не указывало на возможность широких социальных протестов, как то было в Грузии и Украине. Их и не было, нельзя же считать те 10 или 20 тысяч человек, вышедших 24 марта на площадь, репрезентативным социальным протестом. Да и первые митинги собирали не большее нескольких сотен человек, преимущественно родственников их организаторов. Однако силовые органы республики были слабо экипированы и не подготовлены к отражению или упреждению подобных выступлений.

Ни советское прошлое, ни годы независимости не научили наши правоохранительные органы воевать с собственным народом. К тому же аксыйские события 2002 года, когда в результате столкновения между милицией и митингующими погибло несколько человек, и последовавший за этим затяжной политический кризис оказали деморализующее влияние на правоохранительные органы.

Не секрет, что в те мартовские дни в Бишкеке силам правопорядка противостояли не только женщины и дети, но и хорошо подготовленные группы молодых людей, чья принадлежность к криминальным кругам мало у кого вызывает сомнения. Поначалу многие относились с иронией к заявлениям о том, что мартовский переворот был осуществлен при прямом участии криминальных структур. Однако после череды громких политических убийств, после октябрьского противостояния в центре Бишкека, когда премьер-министру страны был брошен вызов людьми, которых причисляют к «авторитетам» уголовного мира, стало ясно, кто скрывал свои лица за желтыми тюльпанами в марте 2005 года.

Конечно, было и предательство со стороны многих высокопоставленных чиновников. Иначе как объяснить тот факт, что многие из тех, кто был непосредственно ответствен за предупреждение и отражение возможных антиконституционных действий, ныне занимают весьма высокие посты? И это в то время, когда страну охватили масштабные кадровые чистки, когда единственным основанием для увольнения чиновника может являться факт его работы в предыдущей администрации.

История не знает сослагательного наклонения, и сейчас трудно уже говорить о том, можно ли было избежать мартовских событий. Наверное, можно, хотя кто знает, что могло произойти в случае вооруженного столкновения между нападающими и сотрудниками правоохранительных органов. Есть информация, что оппозиция готовилась к силовому развитию событий и могла спровоцировать человеческие жертвы, что грозило повлечь за собой непредсказуемые последствия.

Любые общенациональные потрясения типа революций, государственных переворотов и мятежей, как правило, не только отбрасывают назад развитие соответствующих стран, но и негативно сказываются на ближних, а порой и дальних соседях. Мартовские события 2005 года в Кыргызстане, подобно мощному землетрясению, встряхнули регион Центральной Азии, оказали негативное воздействие на политические и социально-экономические процессы в жизни его стран, а также на развитие в них демократических процессов. Проблема сведения к минимуму издержек произошедшего, предотвращения новых неурядиц в практическом плане ныне стала главной.

Оценки мартовских событий в Кыргызстане так и остаются не до конца определенными: это была цветная революция или государственный переворот? Полемика на эту тему разделила политологов примерно поровну. Более того, многие аналитики проводят водораздел между революциями и государственными переворотами, считая цветные революции позитивным явлением, чуть ли не двигателем прогресса. Замечу, что в современных условиях даже китайские политики во многом отошли от

мартовских революционных лозунгов, руководствуясь идеями Дэн Сяопина, согласно которым факторами национального успеха являются реформы, развитие и стабильность в их правильном сочетании. «Стабильность и эволюция – лучше, чем революция» – таков был девиз и первого президента Кыргызстана Аскара Акаева. Тем более это относится к событиям, подобным тем, что произошли 24 марта 2005 года в Кыргызстане. «Тюльпановая» оболочка не способна скрыть их неприглядную внутреннюю суть. Организаторы мартовского мятежа действовали, не имея идейных и практических ориентиров, пустились в плавание «без руля и без ветрил». Разрушительная стихия, которой они дали волю, обернулась массовыми грабежами, погромами и мародерством. Внешним же кругам, стоявшим за организаторами переворота, были глубоко безразличны внутренние издержки, которые нанесли тяжелый ущерб людям, попавшим не по своей воле в «революционные жернова». Новые власти, пришедшие к руководству страной после 24 марта, в своей основе состояли из тех, кто входил ранее в номенклатурную «партийную колоду». За многими из них тянулся обветшалый советский шлейф.

Полемика по поводу мартовских событий в Кыргызстане будет, по-видимому, продолжаться еще долго. Но факт остается фактом: государственный переворот в республике произошел. Его организаторы и стоявшие за ними силы одержали верх над законным правительством. Я сознательно избегаю слова «победа», поскольку нынешняя обстановка неоднозначна и победа в конечном счете может оказаться пирровой.

Мартовские события породили множество проблем как краткосрочного, так и долгосрочного характера. Крайне негативно «революция» сказалась на экономике, спровоцировав падение темпов роста во всех ее отраслях. Масштабный передел собственности и правовой беспредел, сопровождающий этот процесс, подорвал доверие инвесторов. Стремительно увеличивается отток образованного, квалифицированного, созидającego населения, в первую очередь молодежи и русскоязычных граждан. Мартовский переворот дал толчок

развитию глубинных процессов, которые в конечном итоге могут привести к печальным последствиям, вплоть до распада Кыргызстана. Под прикрытием громких лозунгов и со ссылками на народное волеизъявление создается прецедент – возможно добиваться своих целей любыми средствами, идя при этом на нарушение законов и Конституции страны. Недаром вскоре после мартовских событий заговорили о «латиноамериканизации» или «африканизации» Кыргызстана, имея в виду печальную историю переворотов в большинстве стран этих регионов.

Правовой нигилизм, который восторжествовал после мартовских события и который, к сожалению, не находит должной оценки у наших демократических «учителей», приводит к тому, что правовое сознание граждан, и без того не очень устоявшееся за годы независимости, разрушается. Конфликты разрешаются не правовым путем, а силовыми методами, а то и по «понятиям» уголовного мира (убийства, запугивание, в том числе и высших должностных лиц республики, депутатов парламента). Когда общество является свидетелем того, как власть опирается на криминалитет в решении своих проблем, это не может не вызвать ответного желания прибегнуть к тем же методам.

Сведены на нет практически все демократические достижения республики за годы независимости. Сведена к минимуму свобода прессы – практически не осталось независимых СМИ, а те, что есть, выходят мизерными тиражами. Причем многие СМИ были просто захвачены в результате силовых экспроприации.

О судебной ветви власти разговор особый. Все последние годы шло ее активное реформирование. Одним из важных этапов государственной реформы стала выборность судей парламентом нашей страны. Конечно, реформы шли медленнее, чем хотелось бы, и судебная система вызывала много критики. Тем не менее процесс шел. И судебная система, пусть не избавившись полностью от коррупционной составляющей, получала все большую независимость от власти. К сожалению, процесс этот не только остановлен, но и повернут вспять. Суды теперь испытывают колоссальное давление со стороны власти, в чем неформально при-

знаются судьи всех уровней. Все большее распространение получает практика захвата судов и судей организованными группами людей. Получают они и открытые угрозы со стороны криминальных структур.

И, наконец, последний бастион независимости – парламент страны. На протяжении нескольких месяцев бывший единственной легитимной ветвью власти в стране, парламент был и единственной силой, оказывавшей стабилизирующее действие и тормозившей негативные процессы, следовавшие за мартовским переворотом. Но теперь налицо все признаки того, что парламент стремительно утрачивает свою независимость. Этому причиной и громкие политические убийства трех депутатов, и угроза одного из соратников президента Бакиева организовать роспуск парламента, которая дамокловым мечом повисает над депутатами всякий раз, когда те пытаются проявить самостоятельность. А недавняя осада парламента тысячами «бойцов» одного известного «авторитета» окончательно запугала колеблющихся еще народных избранников.

По моему убеждению, «революционное» опьянение в Кыргызстане вряд ли продержится долго. И обещанные «молочные реки в кисельных берегах» по мановению руки нового президента не потекут. Провал с выполнением завышенных обещаний в социально-экономической сфере, развитии демократического процесса, защите прав человека и гражданских свобод в условиях правового и морального беспредела способен породить в обществе новую, еще более разрушительную стихию. Из островка стабильности и демократии, каким он был ранее, Кыргызстан может стать островом дестабилизации, беззакония и криминала. Мартовская «тюлыгано-вая революция» может в итоге обернуться опасными последствиями в регионе, которому как воздух и вода нужна стабильность.

Каждый исследователь вправе иметь собственное мнение относительно решения этой проблемы. Мой подход, уже изложенный выше, состоит в том, что любой регион может быть стабильным и устойчиво развиваться как единая система лишь при условиях

обеспечения стабильности во всех его отдельных звеньях. Весной 2005 года Кыргызстан проявил себя слабым звеном, позволил свершиться государственному перевороту, потому и действия по укреплению стабильности в Центральной Азии должны начаться с Кыргызстана. Внеся в регион вирус нестабильности, наша страна и должна первой позаботиться о его искоренении.

На передний план выходит экономика. На ту высоту, которую республика взяла к весне 2005 года, пришлось взбираться долго, преодолевая трудности постсоветского системного кризиса, множество других препятствий переходного периода. Скатились же с горки буквально за считанные месяцы. Теперь приходится все начинать снова. Нынешнее руководство насаждает иллюзии о возможности за пару лет восстановить потери, даже продвинуться вперед. Разрыв между завышенными ожиданиями и несбывшимися надеждам» взрывоопасен. Уже сейчас у значительной части общества возникла ностальгия по предыдущим благополучным временам, И со временем это чувство будет только нарастать.

Новое руководство, если оно хочет действовать с позиции ответственного реализма, должно вовремя донести до народа правду о предстоящих трудностях. Высказывая эту мысль, ориентируюсь на суждения заслуживающих доверия ученых. Например, выдающегося российского математика, академика Владимира Арнольда. В 1990 году вышла его знаменитая монография «Теория катастроф». Это было время, когда « Советском Союзе, доживавшем предпоследний год, до предела обострились кризисные явления. Ученый применил «теорию катастроф» к изучению динамических процессов, происходящих в крупных социальных системах. Переход от централизованной плановой экономики к новому рыночному укладу, согласно взглядам российского академика, прежде всего затруднялся тем, что в переходных условиях не работают линейные методы управления, от которых ожидается результат, прямо пропорциональный приложенным усилиям. На этом строилась советская плановая методология, основанная на авторитарных методах управления. Движение из состояния административной системы в направлении «рыночной

экономики», как показал академик Арнольд на основе корректных математических расчетов, сразу приводят к ухудшению) и без того плохого состояния. Соответственно в ходе системной трансформации кризис становится неизбежным следствием реформ. Варьироваться могут лишь его глубина и продолжительность.

Предвидения ученого оказались верными. Экономические процессы, протекавшие в СССР на протяжении 1980 – 1989 годов, это подтвердили. Согласно Арнольду, после прохождения нижней точки в кризисном периоде должен наступить этап «выздоровления» в форме стабилизации, а потом и подъема, крутизна которого во многом зависит от консолидации усилий общества по реализации антикризисных мер, сохранению политической стабильности, укреплению гражданского мира и согласия.

«Теория катастроф» применительно к социальным системам в случае крупных общественных неурядиц неизбежно предрекает ухудшение их состояния. Независимо от того, идет ли речь о неурядицах в форме революции, мятежен и государственных переворотов. Мартовские события в Кыргызстане произошли в условиях, когда республика еще находилась в переходном состоянии, не преодолела системного кризиса, не успела решить задачи, которые неотъемлемо присущи переходному этапу. Это означает, что непреодоленный полностью внутренний кризис наложился на новые сложные и противоречивые кризисные явления.

«Реперный» уровень 1989 – 1990 годов как отправная для переходного периода точка отсчета в Кыргызстане, равно как и в большинстве других государств СНГ, еще не достигнута. В таких случаях происходит не арифметическое сложение старых и новых кризисных неурядиц, но их резонансное взаимодействие, многократно приумножающее совокупный негативный аффект и отбрасывающее национальную государственность далеко назад. Образно выражаясь, общество, не выбравшись из старой ямы, проваливается в новую. От «тюльпановой революции» выиграла лишь узкая группа лиц, дорвавшихся до общего национального пирога. Во избежание новых, куда более крупных потрясений власть обязана говорить народу правду о предстоящих

испытаниях, а не вводить его в заблуждение азартной революционной риторикой.

Предстоит решать возникшие после 24 марта сложнейшие проблемы в межнациональных и межрегиональных отношениях. Неуверенность в завтрашнем дне испытывает русскоязычное население республики. Предыдущее равновесие, основанное на национальном девизе «Кыргызстан - наш общий дом», сегодня нарушено. Снова у русскоязычных граждан возникла тяга к возвращению на историческую родину. Это может губительно сказаться на нашем межнациональном единстве. Тревожные явления все более явственно проступают в межрегиональных отношениях. Ситуация в этой области крайне неустойчива. Тандем «Бакиев-Кулов», выглядевший на первых порах неким стабилизатором межрегионального равновесия, вряд ли может служить долговременным гарантом. Без принятия продуманных конструктивных мер в сфере экономики, стирания разграничительных линий между «своими» и «чужими», укрепления межнационального согласия, преодоления межрегиональных трудностей состояния стабильности в республике не достичь.

То, что мартовские события дестабилизировали обстановку в стране, и так видно невооруженным взглядом. Способны ли они оказать дестабилизирующее влияние на регион в целом? Большинство экспертов считают, что да, и приводят в пример андижанские события, последовавшие через пару месяцев после переворота в Кыргызстане. И хотя андижанские события и «тюльпановая революция» имеют разные корни и причины и между ними сложно проводить прямые аналогии, действия участников андижанских событий во многом повторяют действия кыргызских «революционеров».

Большинство экспертов негативно оценили не только сам переворот, но и манеру, в которой он был совершен. А также откровенно бандитские действия «революционеров» в те мартовские дни — захваты земель, погромы, мародерство и т.д. Конечно, это был наиболее видимый негативный результат «тюльпановой революции». Однако переворот спровоцировал не

менее заметные негативные последствия, имеющие долгосрочный и перспективный характер для региона.

Кыргызстан стал источником дискомфорта для соседних стран. Узбекистан обвинил Кыргызстан в том, что именно на его территории проходили подготовку участники андижанских событий. Казахстан и преддверии президентских выборов в декабре 2005 года депортировал группу граждан Кыргызстана по обвинению в распространении нелегальной агитационной литературы. По некоторой информации, эта литература была отпечатана и типографиях Бишкека.

Результатом мартовского переворота может быть замедление, а то и полная остановка экономических и политических реформ в странах региона. По оценкам политологов России и Запада, Кыргызстан был наиболее продвинутым в плане демократических реформ государством в регионе. Многие из наших соседей после «тюльпановой революции» поспешили объявить демократический характер государства главной причиной, по которой эта революция оказалась возможна, что отчасти справедливо. Ведь именно наличие свободы слова, сильных институтов гражданского общества, сильной и легитимной оппозиции невольно способствовало успеху мартовского переворота. Не стоит, конечно, списывать со счетов и внешний фактор, сыгравший значительную роль.

Для руководителей других государств, конечно, возникает соблазн минимизировать все факторы, потенциально способствующие «революциям». Поскольку нейтрализовать «внешний фактор» довольно трудно, единственным выходом для многих остается предупреждать опасность путем замедления демократических и экономических реформ и построения институтов гражданского общества.

Мудрые и дальновидные люди собственное преуспевание всегда связывают с благополучием соседей и друзей. То же относится и к международной практике, особенно в ее оригинальном измерении. Уверена, в условиях бушующих на постсоветском

пространстве политических страстей кардинальное значение приобретает наличие «форпоста»

Журнал «Политический класс», № 1, 2006 год